

— Чистая невинность не нужна Загадочному миру, поэтому Чистая Ненависть оставила тебя здесь. На первый взгляд, приют наполнен ужасными запахами и ненавистью. Все дети злые, воспитатели – безэмоциональные монстры, комнаты завалены мусором, а дети ежедневно играют на жизнь. Под землёй приют похож на рай. Все хорошее спрятано здесь и окружает тебя. Ты должен быть его якорем.

Хань Фэй посмотрел на белый дом. Он вспомнил себя.

В глубине его сознания сиротский приют хранил множество кроваво-красных воспоминаний.

Хань Фэй мог вспомнить только обычные вещи.

— Всё хорошее? — раздался голос мальчика из белого домика.

— Ты единственный в мире, даже если тебя окружает счастье, будешь ли ты счастлив? — Спросил Хань Фэй.

Он почувствовал, что мальчик пытается вызвать у него сочувствие. Но Хань Фэй уже был в такой же ситуации, как и он. Воспоминания детства не были счастливыми, но и не были печальными. Однако он все равно решил идти в темноту, чтобы узнать правду. Ложное счастье было миражом, как картины на стенах этого приюта: они выглядели красиво, но все были ненастоящими.

— Кажется, теперь я понял твои мысли. — Хань Фэй опустился на колени перед белым домиком. — Ты надеешься, что кто-то сможет найти тебя, что я и сделал; ты хочешь увидеть настоящий мир снаружи, и я могу тебе помочь. Я должен сказать тебе, что мы не враги. В каком-то смысле мы должны быть лучшими друзьями.

Мальчик в доме ничего не ответил. Казалось, он размышлял над словами Хань Фэя.

— Из-за их "культивации" тот, у кого должно быть счастливое детство, стал извращённым интровертом. Из-за них ты стал таким, какой есть, и поэтому остаёшься в белом доме один. — После того как Хань Фэй узнал, что белые туфли когда-то были сиротой в приюте, он больше не испытывал к ребенку такой враждебности.

— Мои страдания из-за них?

— Да, выходи. Не загоняй себя в рамки картины. В мире снаружи есть реальные пейзажи. Я могу взять тебя с собой и показать их. — Хань Фэй посмотрел на белый дом. Он не знал, о чем думает мальчик, но был уверен, что не лжёт ему. Если бы мальчик захотел открыться, Хань Фэй с радостью помог бы ему найти свет во тьме.

Мальчик ничего не ответил, пока стена не начала трескаться. Послышались крики Десятого. Мальчик наконец пришел к решению.

— Этот приют – моё последнее убежище. Если я уйду, вся тьма вольётся в моё тело. Больше не будет ложного счастья, ослепляющего мои глаза. Я увижу самую страшную и уродливую сторону мира... — Голос мальчика дрогнул:

— Я действительно уйду отсюда?

— Ты предпочитаешь быть запертым в рукотворном раю или вырваться из оков? И вместе со мной посмотреть, что находится в конце ада? Я не могу гарантировать, что ты увидишь

спасение, но я знаю, что спасение не придет, если ты останешься здесь навсегда. — Хань Фэй убеждал. Пока он общался с мальчиком, белая стена начала вздуваться, а здание затряслось. Десятый, запертый в картине, снова начал сопротивляться.

— Когда я встретил тебя, я почувствовал странную близость, словно должен стать тобой. — Голос мальчика изменился, словно он принял решение. — Чтобы покинуть это место, единственный способ — убить всех, кроме меня. Каждый ребенок, каждый учитель, каждая жизнь здесь — это часть меня. Они — фрагменты моих мыслей. У всех одно и то же число — 024. Только убив их всех, ко мне вернется сознание, и я смогу покинуть этот приют.

— Ты должен убить всех, чтобы уйти? — удивился Хань Фэй.

— Я здесь один. Остальные — лишь воплощения моих мыслей. Это единственный способ, потому что я знаю того, кто уже делал это раньше. А затем он исчез в кроваво-красной ночи. — Голос мальчика был невинным. — Ты думаешь, это слишком жестоко? Но если позволить этим случайным мыслям вырваться наружу и соединиться со злом, они превратятся в чудовищ-убийц. Если мы оставим их в покое, они только убьют ещё больше людей.

— Я не думаю, что это жестоко. Просто... — Хань Фэй задумался, и воспоминания в его голове медленно окрасились в красный. Похоже, он уже принимал такое решение. Человек, исчезнувший в кроваво-красной ночи, был похож на Хань Фэя. Сердце парня дрогнуло, когда он услышал это. В ушах зазвучал смех. Кроваво-красный фрагмент памяти задвигался в море воспоминаний.

— Это ведь ты уговаривал меня, чтобы я решился уйти, верно? — Хань Фэй промолчал, когда мальчик спросил его. Он смотрел на белый дом и чистые, ухоженные здания вокруг. Ему казалось, что он перенесся в прошлое. Он наблюдал за своей молодостью с позиции наблюдателя.

— Что ты собираешься делать?

— Я попрошу свою мать убить их. Когда я оказался в подземной ловушке, со мной осталась только моя мама. Она — моя единственная семья, и она всегда будет любить меня. — Мальчик сказал это, и Хань Фэй услышал ужасный звук разрываемой плоти. Он обернулся: потрепанная кукла вспорола себе живот. Среди почерневшей ваты был спрятан нож и чистое белое сердце. Без колебаний она пронзил грудь мальчика. Мальчик обнимал куклу до самого конца. Даже когда его убили, он улыбался.

— Мама...

Кровь мальчика стекала на белый дом. На нём расцвел первый цветок крови. В то же время на белом сердце куклы появился красный след. Хань Фэй стоял в комнате, пока кукла выбегала наружу, держа в руках нож. Крики отдавались в его ушах. На белом домике распустились кровавые цветы. Мальчик планировал окрасить дом в красный цвет. Все было похоже на то, что Хань Фэй помнил. Ощущение наложения памяти и реальности ошеломило его.

Кроваво-красный приют и белый приют сотрясались вместе. Смех все сильнее овладевал Хань Фэем.

‘Это и есть Кроваво-красная ночь?’

Выйдя из комнаты, Хань Фэй огляделся. Чистый белый коридор был залит кровью. Она текла по полу, ложное счастье было разбито вдребезги.

— Не подходи ко мне, чудовище! — Хань Фэй последовал за куклой. Он увидел, как ребенок в белой рубашке споткнулся и упал. Кукла держала нож и медленно приближалась. Мальчик полз по земле и хватал все, что попадалось под руку, чтобы бросить в куклу. Но все это ничего не дало кукле. Кукла уже была ранена. Она привыкла к боли.

— Монстр! Уходи! — испуганно закричал мальчик. Крик ворвался в уши Хань Фэя и в кроваво-красный приют.

‘Монстр?’

Хань Фэй внутри кроваво-красного приюта безумно рассмеялся, словно услышал шутку. Уголки его губ разошлись. Вслед за этим цепь, опоясывающая приют, снова натянулась.

Кукла медленно приблизилась. Не раздумывая, она вонзила нож в тело мальчика. Белая рубашка и туфли пропитались кровью. В белом приюте расцвел кровавый цветок, словно Манджусака, колышущаяся на ветру. Пройдя мимо лужи крови, кукла постучала в дверь игровой. Она потеряла терпение и пробила дверь ножом.

Кукла вползла внутрь, держа в руках нож. Ее сердце медленно становилось красным.

— Не трогай этих детей! — Воспитатель заслонила собой их. Она схватила деревянную лошадку и устояла на куклу. Дети плакали, и воспитатель испугалась.

— Почему ты это делаешь? Мы не трогали тебя! Мы не хотели убивать тебя! Часть случившегося — случайность. Остановись! — Голос медсестры наложился на другой голос в голове Хань Фэя. Он был гнусавым и пронзительным, пронизанным страхом. Всё было слишком похоже, словно парень уже переживал этот инцидент. Цепочка воспоминаний зазвенела. Хань Фэй в кроваво-красном воспоминании шагнул вперед, и кукла вошла в игровую. В их глазах не было жалости. Белое сердце медленно окрашивалось в красный цвет.

Хань Фэй в кроваво-красном приюте схватился за ворота приюта, а кукла взмахнула ножом.

— Бегите! — Воспитатель велела сиротам бежать, а сама схватила деревянную лошадку, чтобы замахнуть ею на куклу. Нож разрезал живот деревянной лошадки. Резные следы запечатлелись в глазах Хань Фэя. Он уже видел это в своей памяти! В его памяти живот деревянной лошади был весь в следах от ножа!

Деревянные щепки летели во все стороны. Женщина продержалась лишь некоторое время, прежде чем её убили. Кровь стекала на деревянную игрушку, просачиваясь сквозь раны. Хань Фэй поднял руки. Он потянулся к деревянной лошади. Непонятно, хотел ли он остановить куклу или выхватить деревянную лошадку из памяти.

Все дети, с которыми они столкнулись, были убиты. В голове Хань Фэя замелькали лица. Его зрачки задрожали, а смех в голове волнами обрушился на рассудок. Два воспоминания, которые он вспоминал ранее, вызывали у Хань Фэя только боль, но эта сцена пробудила в нем отчаяние. Все дети и учителя в приюте были воплощением мыслей 024. Если он хотел покинуть это место, ему нужно было убить их всех, чтобы вернуть контроль над своим телом.

‘Был ли я таким же?’

Человек рождается с множеством эмоций, но Хань Фэй, запертый в кроваво-красном приюте, лишь смеялся. После того как он вырвется из своего загона, убьет ли он остальные эмоции?

‘Моя личность – исцеляющая, поэтому после уничтожения эмоций есть шанс их восстановить. Было ли испытанием для меня неоднократное уничтожение моих эмоций? Я потерял свою улыбку, а человек в кроваво-красном приюте не знает ничего, кроме как улыбаться, мы...’

Хань Фэй хотел проанализировать информацию, но в его голове царил смех. Человек в кроваво-красном приюте схватился за ворота. То, что увидел Хань Фэй, взбудоражило его, он хотел выбраться наружу!

До начала "Идеальной жизни" парень и подумать не мог, что столкнется с подобным. Воспоминания окрасились в красный, и его крепкое тело пошатнулось. В ушах звенел смех. Хань Фэй даже почувствовал в воздухе запах крови. Его память окрасилась в красный цвет!

Хань Фэй посмотрел на лежащие на земле тела. После убийства сирот их лица расплывались, а номера на одежде исчезали. Возможно, это была иллюзия, но в глазах Хань Фэя сироты получили его лицо. На мгновение показалось, что воплощает кукла не 024, а Хань Фэя в разном возрасте.

— Спасите нас! Мы не хотим умирать! — Последние дети в подземном приюте подбежали к парню. Их глаза были полны слез. Видя, как беспомощны дети, руки Хань Фэя подсознательно направились на их защиту. Причины для этого не было. Он просто следовал инстинкту. Но его руки остановились. Безумный смех пронзил его душу. В нем было неопишное отчаяние, и оно повлияло на действия Хань Фэя. Подавив его, парень наконец взял сироту в руки, но нож уже пронзил его тело насквозь. Из сердца хлынула кровь. Мальчик смотрел прямо на Хань Фэя. В его глазах плескалась хорошо знакомая Хань Фэю эмоция – отчаяние.

На этот раз Хань Фэй видел его отчетливо. Температура тела мальчика упала, а лицо стало ещё больше походить на Хань Фэя. Тело превратилось в зеркало, отражающее забытое прошлое парня. В мёртвом мальчике он увидел себя убитого. Возможно, это была лишь блуждающая мысль, но он испытывал чистые эмоции. Кровь брызнула на Хань Фэя. Теплая, липкая кровь дышала жизнью, но смерть была совсем рядом, когда она появилась. Хань Фэй обнял тело и огляделся. Взгляд Хань Фэя и Смеха совпали. Когда белый приют окрасился в красный цвет, они увидели одну и ту же картину.

Кровь стекала на траву и пачкала её. По мере того как продолжалась бойня, на стене приюта появлялось все больше трещин. Десятый нашёл удобный момент. Он вырвал человеческие черепа из своего тела и сунул молящие головы в чёрное пламя ненависти.

— Когда я выйду отсюда, вы все умрёте! — Чёрное пламя разгорелось, и картина исказилась. Фигура Десятого стала более четкой. Он медленно вышел из картины.

Ненависть сплелась с убийственным намерением. Тот прожёл себе путь наружу чёрным пламенем. Картины вокруг него изменились. Картины превратились в Нити Жизни. Они обвились вокруг Десятого, пытаясь втянуть его обратно в картину.

— Тебе понадобится время, чтобы добраться сюда из больницы. Ты упустил свой шанс.

Мужчина погрузил руки в чёрное пламя. Он использовал свое тело, чтобы поддерживать огонь. Пламя ненависти разгоралось всё ярче. Когда огонь разгорелся до максимума, мужчина заставил его вспыхнуть!

Чёрный огонь сжёг фальшивую картину, и подземный приют предстал в своем истинном облике. По стене побежали трещины. Белые стены окрасились в красный цвет. Чёрное пламя охватило потолок. Стекала кровь. Это было похоже на чёрные цветы, увядающие под кровавым

дождем.

‘Кроваво-красная ночь!’

При виде этого в голове Хань Фэя всплыло множество чужих воспоминаний. Появились незнакомые лица, которые умирали ужасными способами. Хань Фэй не мог стоять на ногах, остатки здравого смысла говорили, что только люди с самым глубоким отчаянием могут обладать чёрным ящиком.

Его мозг был поглощён красным. Перед глазами всплыл кроваво-красный приют. Добрая, злая душа и детские воспоминания Хань Фэя пытались сковать его цепями. Они поддерживали личность Хань Фэя. Добрая помогала ему научиться любить и прощать, злая – быть более решительным и учило его самосохранению, а память детства – гнаться за светом и счастьем.

Эти души могли помочь Хань Фэю подавить смех в глубине его сознания, но в тот день, когда перед ним появилась Кроваво-красная ночь, память, похороненная глубоко в его сознании, пробудилась. Отчаяние, о котором он забыл, выплеснулось наружу.

— Хань Фэй! — Урна открылась, и призраки окружили Хань Фэя. Страшные призраки с беспокойством смотрели на него.

— Значит, ты тоже здесь. — Десять пальцев закрыл глаза, чтобы почувствовать окружающее пространство. Убедившись, что вокруг нет Чистой Ненависти, он открыл глаза. Они были полны злобы.

— Я бы посоветовал тебе уйти. — Сказал Ли Цзай. — Ты получил ранение в торговом центре и потерял половину своей ненависти; когда ты сбежал сюда, твоя ненависть была поглощена приютом; когда ты пытался сбежать из картины, ты истощил своё чёрное пламя. Теперь ты ничем не отличаешься от Большого Задержавшегося Духа.

Десятый был ранен, но он оставался Чистой Ненавистью. Ли Цзай хотел предупредить того, но недооценил его хитрость.

— Ты прав. Временно, без чёрного пламени, я не отличаюсь от немного сильного Задержавшегося Духа, но даже так я могу легко убить всех вас. — Глаза Десятого заблестели от жадности. Он посмотрел на картонный домик, который окрасился в красный цвет. — Я съем всех вас. — Уродливое лицо озарилось жуткой улыбкой. Два черепа разлетелись вдребезги, а из его плеч выросли две неровные руки. Но это было только начало. Человеческие черепа на нём начали растворяться, и из человека стали вырастать новые существа. Лишние конечности превратили его в бесформенное нечто. — Я запечатлею всех тебя на своей груди, и вам придётся служить мне вечно!

Он расширился. Чёрное пламя в его сердце почти погасло, но даже крошечная толика ненависти могла нанести существенный урон духам. Как бы они ни старались, жильцы Зиккурата не могли навредить ему. Стоило им прикоснуться к Десятому, как они теряли большую часть своей души. Что еще хуже, мужчина обладал мощной способностью к восстановлению. Он поглотил разорванную душу и использовал её для исцеления своих ран.

— Остановите его! — Все соседи охраняли Хань Фэя. Ли Цзай и Плакса использовали свою силу, чтобы повлиять на Десятого, но между Задержавшимся Духом и Чистой Ненавистью была огромная пропасть. Их способности никак не влияли на него.

— Сюй Цинь, бери Хань Фэя и уходи! — Соседи пожертвовали собой, чтобы проложить путь. Но

Десятый знал, что Хань Фэй – это ядро. К тому же у них была своя история. Будь то в мире алтаря или в Загадочном мире, Хань Фэй разрушил его план. Если бы ему пришлось выбирать, кого убить, то это был бы Хань Фэй.

— Захват твоего тела поможет мне вернуть алтарь! — Огромное тело набросилось на Хань Фэя. Он вложил всю свою ненависть в одну из рук. Если бы он взмахнул ей, то обычного Задержавшегося Духа уничтожили бы с одного удара. Увидев это, Сюй Цинь оттолкнула Хань Фэя. Её столовые ножи сочлись глубочайшим проклятием.

— Убирайся! — Рука ударила Сюй Цинь. Проклятия не могли навредить Чистой Ненависти. Та упала на землю. Кровь с проклятиями окрасила губы Сюй Цинь в красный. Она смотрела на Десятого, погружая столовые ножи в свое тело.

— Я давно хотела попробовать Чистую Ненависть.

На теле Сюй Цинь появилось проклятие с самым странным рисунком. Когда последний столовый нож был воткнут, разум Сюй Цинь поглотили проклятия. Когда сотни проклятий слились воедино, даже Десятый был вынужден обернуться.

— Уведите Хань Фэя! — раздался голос девушки в подземном приюте. Хань Фэй стоял под кровавым дождем. Этот красный приют был похож на Кроваво-красную ночь, но в то же время отличался от неё. В ту отчаянную ночь он был один. Он слышал только свой собственный голос. Но в эту ночь его ждало множество людей.

В голове зазвучал смех. Губы Хань Фэя скривились. Он понятия не имел, почему тогда обратился к убийству, но Хань Фэй понимал, почему ему нужно убивать сейчас. Кроваво-красные воспоминания кипели, пытаясь поглотить его. Он боролся. Он видел Сюй Цинь, чье тело пронзили ножи; Дрейка, который рвался вперед, рискуя быть уничтоженным; Плаксу, который управлял отчаянием как оружием.

— Кроваво-красная ночь больше не появится. — Охваченный бесконечными кроваво-красными воспоминаниями и отчаянием, Хань Фэй принял решение.

Злая душа, державшаяся за цепь памяти, поняла его. Злобный взгляд засиял от восторга.

— Раз уж мы – части одной души, зачем нам полагаться на цепи?

По сигналу Хань Фэя Злая душа отпустила цепь. Хорошая душа и воспоминания о детстве были откинута цепями. Разум Хань Фэя растворился в красном море. Из его головы вырвался безумный смех. Кроваво-красная фигура в приюте посмотрела в определенном направлении. Его лицо прояснилось.

В то же время Хань Фэй изобразил преувеличенную улыбку. Когда его глаза снова открылись, в них уже не было ни доброты, ни отчаяния.